

Го И отступил назад, улёгся на кровать и помахал рукой:

— Пойди скажи Ши Эр, что я уже вернулся и лег спать. Пусть он вместе со старшими братьями из школы займется тем, чтобы новые и старые ученики читали и упражнялись в каллиграфии!

— А, хорошо, — только тут Мужун Ли вспомнил, что Го И уже как две ночи не спал. Поэтому не стал больше мешкать, бегом направился в умывальню, набрал воды, помог Го И снять обувь и носки, вымыл ему ноги, потом сменил воду и вытер ему руки и лицо. Только после этого с горестным выражением лица пробормотал: — Учитель уже уснул... Но как же можно спокойно спать в одежде для ночных вылазок...

Он как вор тихонько забрался на кровать, неуклюже начал расстегивать пояс наставника, но никак не мог справиться. В отчаянии он дёрнул со всей силы и с резким звуком. Го И внезапно распахнул глаза, а хранившаяся у него на поясе нефритовая флейта уже оказалась у горла Мужун Ли.

Спустя мгновение Го И убрал флейту и со вздохом безысходности выгнал Мужун Ли за дверь:

— Тебе не нужно мне прислуживать! Иди, практикуйся!

— Да... да, учитель! Это Сугун слишком неуклюжий! В будущем больше никогда... больше не порву вам одежду...

— Ты ещё и огрызаешься?! Вон!

— Слушаюсь! Молчу! Уже вылетаю! — Мужун Ли перепугался, схватил таз с водой и поспешно побежал к выходу, но споткнулся о порог и, грохнувшись на зад, растянулся, словно дикая гусыня, упавшая на песок.

Го И, уже было устроившийся в постели, снова сел. Увидев, как парень поднялся, собрал таз и захлопнул за собой дверь, он невольно рассмеялся. Наконец он сам снял порванную одежду и, оставшись в нижнем белье, спокойно улёгся спать.

— С самого начала не стоило позволять ему заниматься только боевыми искусствами. Теперь вырос таким порывистым и неуклюжим... Надо бы в будущем побольше учить его самообладанию и внутреннему воспитанию... — с этими полусонными мыслями Го И впервые забыл положить нефритовую флейту рядом.

Когда он проснулся солнце уже клонится к западу. Всё тело было в поту от долгого сна в душной комнате. Он поднялся, накинул на себя первую попавшуюся мантию и пошёл за водой, чтобы умыться, но стоило ему открыть дверь, как тут же раздался глухой звук и чей-то вскрик "Ай!"

Го И вздрогнул от неожиданности: Мужун Ли сидел прямо у его двери, охраняя его сон!

— Что ты тут устроил? Тебе что, нечего делать, когда ты не во дворце днем? — Го И с раздражением нахмурился, глядя на только что пытавшегося встать Мужун Ли. Он хотел продолжить выговаривать ему, но слова застряли в горле, и он так и проглотил их. Рядом с Мужун Ли стояло большая деревянная бочка, наполовину наполненная водой. Внутри лежала тряпка для мытья, кусок мыла из мыльного дерева и несколько новых, с виду совсем недавно добытых одежд.

Даже Го Ши стоял в стороне с выражением: «Папа, ты зря ругаешь старшего брата». В руках он держал тот самый свиток с тайным посланием, который Го И принес вчера вечером.

— Учитель! Сугун потревожил вас?

Го И ещё не успел ничего сказать, как Мужун Ли уже поднялся, осторожно наклонился к нему поближе и с широко раскрытыми глазами будто пытался прочесть, что у наставника на душе, внимательно и пристально разглядывая его лицо.

Го И внезапно вспомнил, что его покойная жена была такой же. Когда он злился, она озорно смотрела на него по сторонам, словно хотела увидеть цветок на его лице, но в конце концов ей все равно удавалось его рассмешить. Лицо его невольно немного смягчилось, он прокашлялся и с нарочитым спокойствием сказал:

— Ничего страшного. Но больше не сиди на пороге, так и упасть недолго. Занеси бочку, я как раз собирался помыться.

Сказав это, он быстро развернулся, открыл дверь и вошёл в комнату.

— Тебе не позволено больше ухаживать за папой! — вдруг раздался детский крик, такой громкий и внезапный, что Го И, уже переступивший порог, обернулся в изумлении. Все тёплые чувства, которые только что поднимались в его душе, тут же рассеялись.

Го Ши стоял перед Мужун Ли с сердитым лицом, в руке у него была тряпка, а свиток он уже спрятал за пазуху. Он схватился за кусок мыла и продолжал возмущаться:

— Ты так обращаешься с моим отцом, и что, мне теперь стоять в стороне? А как же приличия и обычай*?

*он крадёт у него сыновью почтительность

— Раз учитель велел — ученик должен помочь*! Младший брат, почему ты так говоришь? — Мужун Ли, с трудом скрывая внезапное смущение, тут же парировал.

*Если у учителя есть дело — ученик должен разделить (взять на себя) труд. — устойчивое выражение из конфуцианского дискурса

— Хм! Ты сам всё прекрасно понимаешь! — фыркнул Го Ши и первым вбежал в дом. Положил вещи, которые держал в руке, на стол, он снова выбежал, чтобы попытаться втащить в дом большое деревянное ведро, почти такого же роста, как и он сам.

Го И чувствовал, как голова начинает раскалываться. Он потер виски, вздохнул и вышел за порог:

— Я сам справлюсь. Вы оба займитесь своими делами. Хватит уже, от вашего шума у меня голова болит.

Пока он это говорил, Мужун Ли уже успел втащить деревянную бочку в комнату. Выходя обратно, он бросил вызывающий взгляд в сторону Го Ши, но при этом громко сказал:

— Учитель, подождите немного! Сугун сейчас сбегает за горячей водой! Бочка наполнена только холодной водой, для купания не подходит!

Го И поджал губы, но всё же кивнул, стоя у дверей и наблюдая, как Мужун Ли вливает в бочку ведро за ведром горячей воды, пока до края не остался лишь один цунь (около 3 см), и только тогда он остановился.

— Ладно, иди. — сказал он, уже собираясь подойти и раздеться, чтобы принять ванну.

Но на этот раз дверь оказалась закрыта, и Мужун Ли всё ещё был в комнате.

— Что? Тебе нужно вытирать мой пот, когда я принимаю душ? — Голова у Го И откровенно гудела, словно тысяча мух одновременно заплясали у него в ушах.

— Сугун поможет учителю потереть спину, — спокойно ответил Мужун Ли, лицо его было невозмутимо, как будто в происходящем не было ничего странного.

Го И на некоторое время потерял дар речи. Он переводил взгляд то на дверь, то на Мужун Ли, пока на лбу не вздулись вены, и, наконец, он взревел:

— Что за ерунда! Ступай к себе и учи вечерние уроки!

— Да-да-да! Учитель! Сугун уже уходит! — Мужун Ли так испугался, что тут же выскочил из комнаты. Сердце колотилось, и он сам не понимал, почему будто впал в наваждение: целыми днями только и думал о том, как бы услужить услужить. Он просто хотел чаще видеть учителя — будь тот в повседневной одежде, в ночном наряде или же принимающим ванну...

Это напомнило ему его отца-императора — тот тоже всё время стремился быть рядом с наставником, что бы ни происходило.

В последующие дни Мужун Ли вёл себя так, будто хотел ему прислужить, но не в то же время боялся. Будь то передача секретного послания, которое Го И велел Го Ши отправить обратно во дворец пораньше, будь то утро, когда он случайно застал учителя, только вставшего с растрёпанными волосами и собирающегося их уложить, будь то момент, когда учитель, выйдя из школы, наставлял его в боевом искусстве, или же когда Го И собирался вымыть свою миску после еды — он всё время порывался помочь: вытереть пот с его лба, вымыть за него посуду, уложить волосы, почистить лошадь...

Эти беспорядочные мысли вводили в смущение самого Мужун Ли, он не понимал, что с ним происходит. А в глазах Го И всё это выглядело ещё более странным.

Наконец, на седьмой день под вечер, после того как Го И осмотрел рану Мужун Ли, он, в отличие от прежних раз, не сразу вышел из комнаты. Он уселся с серьёзным видом и жестом велел Мужун Ли сесть рядом на край кровати, после чего спросил:

— Сугун, рана уже зажила, ты чувствуешь себя плохо? Вижу, в последние дни ты рассеян, словно хочешь что-то сделать, но не решаешься. Неужели запутался в прогрессе боевых искусств? Или беспокоишься о делах во дворце? Расскажи учителю, не держи всё в себе!

Увидев, что Мужун Ли молчит с опущенной головой, Го И смягчил голос и попытался убедить его:

— У тех, кто практикуют боевые искусства, тела действительно сильнее, чем у обычных людей, но и травмы они получают чаще. Особенно опасно тренироваться в рассеянности. Мой дорогой ученик, пожалуйста, скажи мне, о чем ты думаешь. Знаешь ли ты, что твоё поведение в последние дни даже Ши Эра заставило несколько раз спросить, что с тобой?

Мужун Ли молчал, а у Го И голова стала в три раза больше. Сам он по натуре был немногословен, но за последние семь дней сказал, пожалуй, больше, чем за весь прошлый год. А этот княжеский ученик... с ним и вовсе творилось что-то странное: в городе Тор он ещё вёл себя нормально, а после возвращения домой становился всё более рассеянным. На вопросы больше не отвечал прямо, на тренировках совершал полно ошибок. Будто его разум вернулся в детство, да и то, пожалуй, в детстве он был лучше!

Если всё так и продолжится, то, когда придёт время возвращаться в столицу, он не знал, что скажет покойному императору, и как смотреть в глаза его императорскому сыну, когда тот начнёт спрашивать, что не так?

Видимо, поняв, что своим молчанием он довёл учителя до головной боли, Мужун Ли, хоть и сам ещё не понимал, что с ним происходит, всё же пробормотал:

— Учитель... я... Сугун в порядке. Просто я не знаю, в чём именно ошибся, раз заставил учителя сердиться... Вот и каждый раз, когда хочу помочь, боюсь подойти, и выгляжу... выгляжу очень неуклюже.

— То есть ты хочешь сказать, что я, не позволяя тебе тратить силы на эти мелкие хлопоты, тем самым тебя обидел и сделал причиной твоей растерянности? — У Го И снова вздулись вены на лбу. Он и не подозревал, что может так легко вспылить. И совсем не понимал, что происходит с этим его учеником, в голове которого, по всей видимости, вертятся исключительно всякие глупости и бытовые мелочи!

<http://bllate.org/book/13723/1213797>